

**«Прислали де астраханские мурзы 3 человека
х крымскому царю грамоты»: астраханско-крымские
отношения во второй половине XVI – начале XVIII века**

И.В. Торопицын

Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева

Астрахань, Российская Федерация

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ

Казань, Российская Федерация

itoropitsyn@mail.ru

Резюме. В статье рассказывается о сложных взаимоотношениях, которые существовали между населением Нижнего Поволжья и Крымским ханством во второй половине XVI – начале XVIII в. Отмечается, что в период существования Астраханского ханства его правители и население воспринимали Крым в качестве равного государства, с которым они периодически то конфликтовали, то поддерживали мирные отношения. В период присоединения к Московскому государству татарское население Нижнего Поволжья становится заложником политических игр астраханского хана Дервиша-Али, который то воевал с бывшим астраханским ханом Ямгурчеем, которого поддерживали крымцы, то, наоборот, вместе с крымцами и турками пытался отстоять свою независимость от Московского государства. После окончательного присоединения Астраханского ханства к Московскому государству местное татарское население вынуждено было следовать политике астраханских властей в лице царских воевод. Несогласные с этим покидают Нижнее Поволжье и перебираются в соседние государства, в том числе и в Крым или в османские владения в Азово-Черноморском регионе, где участвуют в их политической жизни, сохраняя на первых порах формальную принадлежность к прежнему Астраханскому ханству. При этом остающееся в Нижнем Поволжье татарское население, несмотря на официальные запреты со стороны русских властей в отношении связей с Крымом, поддерживает контакты с крымскими татарами и в случае ухудшения своего материального положения выбирает Крым в качестве нового места проживания. Наряду с этим астраханские юртовские татары участвуют в XVII в. в составе российских войск в военных походах против Крымского ханства, а также совершают с разрешения астраханских воевод самостоятельные разведывательные рейды в Крым с целью получения информации об обстановке в Крымском ханстве.

Ключевые слова: Астрахань; Крым; Московское государство; Нижнее Поволжье; мурзы; татары; XVI–XVIII века

Для цитирования: Торопицын И.В. «Прислали де астраханские мурзы 3 человека к Крымскому царю грамоты»: астраханско-крымские отношения во второй половине XVI – начале XVIII века. *Из истории и культуры народов Среднего Поволжья*. 2026. Т. 16, № 3. С. 48–65. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2026-16-3.48-65>

“The Astrakhan murzas sent a man with letters to the Crimean ruler”:
Astrakhan-Crimean relations in the second half of the 16th – early 18th century

I.V. Toropitsyn

Tatishchev Astrakhan State University

Astrakhan, Russian Federation

Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences

Kazan, Russian Federation

itoropitsyn@mail.ru

Abstract. The article describes the complex relationships that existed between the population of the Lower Volga region and the Crimean Khanate in the second half of the 16th – early 18th centuries. It is noted that while the Astrakhan Khanate still existed, its rulers and population perceived Crimea as an equal polity, with which they periodically either clashed or maintained peaceful relations. During the period of the annexation to the Muscovite state, the Tatar population of the Lower Volga region became a pawn in the political maneuvering of the Astrakhan Khan DervishAli, who alternated between waging war against the former Astrakhan Khan Yamgurchey, who was supported by the Crimeans, and trying to defend his independence from the Muscovite state together with the Crimeans and the Turks. After the final annexation of the Astrakhan Khanate to the Muscovite state, the local Tatar population was forced to follow the policy of the Astrakhan authorities represented by the tsar’s voivodes. Those who disagreed with this left the Lower Volga region and moved to neighboring states, including Crimea, or to Ottoman territories in the AzovBlack Sea region, where they participated in their political life, initially maintaining a formal affiliation with the former Astrakhan Khanate. At the same time, the Tatar population remaining in the Lower Volga region, despite official prohibitions from the Russian authorities regarding ties with Crimea, maintained contacts with the Crimean Tatars and, if their financial situation deteriorated, chose Crimea as their new place of residence. Along with this, the Astrakhan Yurt Tatars participated in the 17th century as part of the Russian troops in military campaigns against the Crimean Khanate, and, with the permission of the Astrakhan voivodes, they also carried out independent reconnaissance raids against Crimean in order to obtain information about the situation in the Crimean Khanate.

Keywords: Astrakhan; Crimea; the Muscovite state; the Lower Volga region; murzas; Tatars; 16th–18th centuries

For citation: Toropitsyn I.V. “The Astrakhan murzas sent a man with letters to the Crimean ruler”: Astrakhan-Crimean relations in the second half of the 16th – early 18th century. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2026, vol. 16, no.3, pp. 48–65. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2026-16-3.48-65> (In Russian)

ВВЕДЕНИЕ

Астрахань играла важную роль во взаимоотношениях тюркских народов. Нахождение на пересечении торговых путей из Поволжья и Центральной Азии в Крым делало нижеволжский город удобным местом для остановки в пути и в то же время позволяло местным властям контролировать все маршруты, проходящие через низовья Волги, которыми пользовались не только торговцы, но и дипломаты, и паломники к святым местам. Не удивительно, что в контроле над Нижним Поволжьем были заинтересованы не только астраханские ханы, но и соседние государства, в числе которых было и Крымское ханство.

Тема астраханско-крымских контактов в период второй половины XVI – начала XVIII в. не была предметом специального исследования, хотя интерес к ней проявляли как дореволюционные, так и современные авторы. Как правило, в центре их внимания оказывались события, относящиеся к периоду XVI в. Так, Н.М. Карамзин приводит факт обращения представителя астраханской знати князя Ярлыгаша к турецкому султану с просьбой взять под свой контроль Астрахань (Карамзин, 1821, с. 44). П.К. Хлебников сообщает ряд важных деталей, связанных с событиями присоединения Астраханского ханства к Московскому государству и с той ролью, которую сыграли в них представители Крымского ханства, направленные для поддержки астраханского хана Дервиша-Али (Хлебников, 1907, с. 3–4). В.И. Буганов, изучая события, связанные с битвой при р. Молодах в 1572 г., отмечает факт пленения русскими войсками в процессе сражения с крымцами астраханского царевича (Буганов, 1959, с. 180). П.А. Садиков констатирует факты обращения в Крым в 1560-е гг. представителей татарского населения Казани и Астрахани с просьбами о военной помощи и обещаниями в ответ поднять восстание среди местного населения против русской власти (Садиков, 1947, с. 136, 142, 145–146). И.В. Зайцев уделяет внимание позиции Крымского ханства в период борьбы за астраханский престол в середине XVI в. (Зайцев, 2006, с. 140, 169).

События последующих столетий не привлекали внимания исследователей в контексте астраханско-крымских либо астраханско-османских отношений в виду того, что Астрахань к этому времени уже много лет была частью Московского государства и не являлась субъектом самостоятельной внешней политики. Несмотря на это местное тюркское население негласно осуществляло контакты с крымскими властями, поддерживало торговые связи с крымско-османским рынком, а некоторые астраханские юртовские татары даже участвовали в набегах на российские приграничные земли вместе с крымцами, азовцами и ногайцами.

Пролить свет на эти события дают первоисточники, как опубликованные, так и хранящиеся в архивах. Период второй половины XVI в. хорошо иллюстрируют документы, отложившиеся в Посольских книгах по связям России (Московского государства) с Ногайской Ордой и

Крымом. События, происходившие в XVII в., можно проследить по документам, включенным в ряд сборников, посвященных кабардино-русским отношениям, воссоединению Украины с Россией, истории донского казачества, а также по архивным источникам, отражающим русско-ногайские и русско-калмыцкие взаимоотношения, а также делопроизводство Астраханской приказной палаты. События начала XVIII в. позволяют рассмотреть документы, опубликованные в сборниках писем и бумаг императора Петра Великого, а также относящиеся к периоду Булавинского восстания.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ

На протяжении первой трети XVI в. между Москвой и Бахчисараем шла оживленная переписка в отношении «астраханского дела». Крымские власти не скрывали своего стремления в установлении контроля над Астраханским ханством и периодически делали такие попытки. В 1546 г. крымский хан Сахиб-Гирей совершает успешный поход против Астраханского ханства, в ходе которого разоряет его столицу Хаджи-Тархан, а жителей угоняет в Крым. В письме русскому царю Ивану IV Грозному в декабре 1547 г. Сахиб-Гирей сообщал, что намерен в дальнейшем «устроить» астраханский юрт по-своему и «держать его» в своей власти (Зайцев, 2006, с. 140).

Однако, разгром Астраханского ханства не означал его полного уничтожения. В то время как часть астраханских жителей была пленена крымцами, другая в ходе столкновений с ними рассеялась по окрестным землям и со временем вернулась назад. Причем в Нижнее Поволжье смогли возвратиться не только те, кто избежал крымского плена, но и те, кто был угнан в Крым. В 1551 г. московским властям стало известно о планах турецких властей назначить на место астраханского хана своего ставленника. Причем из разговора служилого татарина Т. Тимеева с ногайским мурзой Исмаилом следовало, что прошение к турецким властям поступило из самой Астрахани, что доказывает наличие там политически активного местного населения, нуждавшегося в верховной власти. Находившийся в Ногайской Орде турецкий посол Чевуш утверждал, что просьба астраханцев турецким султаном будет уважена и им будет направлен «царь». Более того, турком было заявлено о том, что пленным астраханцам разрешено возвратиться на родину из Крыма. Передавая слова своего господина, Чевуш говорил Исмаилу: «которые люди полонены были в Крым из Астарахани, и яз тех людей в Астарахань поотпущал, а иных часа того отпущаю» [12, с. 57].

В самой Астрахани в середине XVI в. происходила череда политических событий, в ходе которых власть в столице Астраханского ханства при поддержке внешних сил в лице черкесов и ногайцев переходила из одних рук в другие. Внесли свою лепту в эти события даже русские казаки. В конце 1540-х гг. на астраханском престоле утвердился Ямгурчей, который проводил двойственную политику, то обращаясь за протекцией к русскому

царю, то принимая помощь от турецко-крымских властей. В 1552 г. русский посол С. Авраамов застал в Астрахани посланцев из Османской империи и Крымского ханства. В том же году крымский хан Давлет-Гирей присылает астраханскому хану Ямгурчею 13 пушек (Хлебников, 1907, с. 3–4); [12, с. 109].

В 1554 г. московские власти решили положить конец политике неопределенности в отношении Астраханского ханства. Против него было направлено царское войско, которое захватило столицу ханства город Астрахань и утвердило на астраханском престоле московского ставленника хана Дервиша-Али. Однако свергнутый русским войском хан Ямгурчей не смирился со своим поражением. В 1555 г. он вместе с ногайцами, ушедшими из Ногайской Орды во главе с сыновьями мурзы Юсуфа при поддержке крымцев и турецких янычар предпринял попытку вернуть себе Астраханское ханство, но потерпел поражение от защищавших Астрахань объединенных русско-татарских сил. На фоне происходивших в Нижнем Поволжье в 1555 г. событий до Москвы дошли сведения, что хан Дервиш-Али сам стал склоняться на сторону Крыма и взял себе в калги сына крымского хана Девлет-Гирея Казбулата [12, с. 156].

В ходе второго похода на Астрахань, предпринятого в 1556 г., русскому войску противостояли не только астраханцы во главе с Дервишем-Али, но и отряды ногайцев, а также крымцев и янычар, которых крымский хан Девлет-Гирей прислал в помощь астраханскому хану для обороны Астрахани (Зайцев, 2006, с. 169). Однако эта помощь оказалась весьма символической и не помогла астраханцам сохранить независимость. В середине XVI в. Астраханское ханство было окончательно включено в состав Московского государства, а его население вынуждено было следовать политике русских властей, которые стремились прервать любые контакты между Астраханью и Бахчисараем. Впрочем, несмотря на эти запреты, татары Нижнего Поволжья не утратили полностью политических и экономических связей с Крымом.

Царские воеводы, утвердившись в Астрахани, контролировали внутривластную ситуацию в Нижнем Поволжье во многом номинально. Их реальная власть во второй половине XVI в. ограничивалась чертой городских стен, за пределами которых действовал неформальный закон степи – право сильного. Воеводы понимали эти обстоятельства и старались направлять с различными поручениями за пределы Астрахани либо служилых татар, либо военные отряды в составе стрельцов и казаков. Для связи с Москвой использовалась водная артерия реки Волги.

Астраханские татары, расселившиеся в окрестностях Астрахани, широко пользовались тем, что воеводы не имели возможности обеспечить плотный надзор над их действиями. Сложившаяся ситуация позволяла татарам поддерживать связи как с Крымом, так и с другими государствами. Об этом, в частности, свидетельствует грамота бия Ногайской Орды Ис-

маила царю Ивану IV Грозному, доставленная в Москву в июне 1560 г., в которой отмечалось, что из Азова в Астрахань ходят «гости» [13, с. 313].

Доходило до того, что астраханские татары отваживались нападать на проезжавших путников и захватывать их в плен с целью продажи в рабство. В 1567 г. русским послам в Крыму А. Нагому и Ф. Писемскому стало известно о нападении астраханских татар и ногайцев на князя И. Дашкова, который шел из Черкас. По словам казака С.А. Коришева, князя взяли «не доходя азстороханские соли, на стороже азстороханские татарове Кубок да Зема». Вместе с И. Дашковым астраханцы и ногайцы взяли в плен самого С.А. Коришева, а также казаков, стрельцов и детей боярский – 15 человек. Всех их «азстороханские деи татаровя» и ногайцы привели и «разпродали в Крыму» [11, с. 109].

Очевидно, что среди астраханских татар было немало тех, кто ориентировался на Крым, Ногайскую Орду, Тарковское шамхальство и другие восточные государства. Казак С.А. Коришев утверждал, что предводители астраханских татар, захватившие их в плен, имели тесные родственные связи с ногайцами и соседними народами. «Мать деи и жена – у Кубака в Асторохани, а другая жена – в Нагаех, а третья жена – в Азове», – говорил С.А. Коришев [11, с. 109]. Не удивительно, что среди астраханских татар нашлось немало желающих оказать содействие крымско-турецкому войску в организации их похода на Астрахань в 1569 г. Н.М. Карамзин пишет, что турецкий султан Сулейман («Солиман») «по внушению знатного беглеца Астраханского, Князя Ярлыгаша, замыслил великое дело: соединить Дон с Волгою прокопом, основать крепость на Переволоке (там, где сие реки сближаются), другую на Волге, где ныне Царицын, третью близ моря Каспийского» (Карамзин, 1821, с. 44).

Источники сохранили имена и других представителей астраханской знати, которые активно поддерживали крымско-турецкую армию в походе на Астрахань. В их числе были астраханские мурзы Саин и Теней Тербердеев сын Кабанов. После провала крымско-турецкого похода эти астраханские мурзы со своими семьями и приближенными вынуждены были уйти из Московского государства и обосноваться в Азове. По сведениям русского посла в Крыму И.П. Новосильцева, астраханские перебежчики продолжали играть активную роль в степной дипломатии. «Преж сего прибежали из Асторохани в Крым ко царю и х Касыму-князю астороханцы Семен-мурза да Теней Тербердеев сын Кабанова с товарищи, – сообщили весной 1570 г. русскому послу в Крыму служилые татары С. Резанов и Б. Разгозин, – и Теней деи из Кафы и из Азова ездит в Нагай, а из Нагай де ездит тайно в Астороханские улусы к астороханским людям проводывати всяких вестей, а приехав в Кафу сказывает де Касыму-князю. А сее деи зимы Теней с нагайскими и с астороханскими казаки побил на Волге служивых татар Байбулата Кадышева с товарищи и грамоты деи государевы у него поимал и про те грамоты в Кафе похваляет» [5, с. 2].

В 1570-х гг. в районе Азова осела значительная группа выходцев из прежнего Астраханского ханства. Среди них были не только представители астраханской знати, но и рядовые татары. С целью недопущения провокаций с их стороны в отношении русского посольства, направленного в 1570 г. в Турцию, диздар (комендант крепости) Азова Сефер выслал на встречу посольству военный отряд. «А за десять верст от Азова встретили человек с тридцать, – указано в статейном списке И.П. Новосильцева. – А приехали берегом конми, а прислал их Сефер же для береженья казыевых татар и тумакон астроханских» [14, с. 63].

В августе 1571 г. русским властям стало известно о посылке из Азова с бухарскими купцами в Астрахань и Казань лазутчиков. Они должны были связаться с астраханскими татарами, а также разведать, что собой представляет крепость, выяснить численность ее гарнизона и определить уязвимые места. После этого Мустафа должен был остаться в Астрахани, а его напарник – отправиться в Ногайскую орду, а оттуда в Казань. «А презывати ему в Казани и в Азсторохани князей и мурзы и козаков на турецкого царя имя, – писал А.К. Шеин, – и турецкого царя им жалованья сказывати и грамоты с ним от турецкого царя в Асторохань и в Казань посланы. Которые азстороканские и казанские князи и мурзы и козаки похотят служить турецкому царю и тем людем велено бытии в Азсторохани и в Козани готовым. А дожидатьца турецких и крымских и нагайских людей приходу. А мысль турецкого царя: посылати ему войска к Асторохани на лето [...]» (История татар, 2014, с. 92).

Запланированного вторжения турецкого войска в Поволжье не произошло. Но уже в следующем году в знаменитой битве при Молоди в ходе сражения между русскими и крымско-татарскими войсками было взято в плен много знатных мурз. В числе пленных оказался и некий «астраханский царевич» [10, с. 192]; (Буганов, 1959, с. 180). Это доказывает, что представители астраханской тюркской знати находили себе прибежище в Крыму и активно участвовали в политике Крымского ханства и Османской империи.

На протяжении большей части XVII в. астраханские татары не давали повода усомниться в их преданности российскому престолу. Они активно участвовали в набегах за языками в Крым (Торопицын, 2015, с. 26–27), принимали участие в составе русских войск в походах против Крымского ханства (Торопицын, 2025, с. 124–138, 188–202, 213–230). Несмотря на это, астраханские власти не ослабляли контроль над астраханской тюркской знатью. В наказах должностным лицам предписывалось следить за тем, чтобы юртовские татары никуда без разрешения не отлучались, а если это происходило, то требовать, чтобы табунные головы сразу же докладывали об этом. Они же должны были сообщать астраханским властям о появлении в юртах приезжих из «Больших Нагай и Казыева улуса» и других мест (Торопицын, 2014, с. 223). В свою очередь головам, поставленным над астраханскими юртовскими татарами, воеводы поручали выведывать

среди подведомственного населения «всяких вестей про Турского царя, и про Крымского хана и про Бухарского, и про Большой Нагай, и про Казыев улус, нет ли в ком какие шатости или какого дурного умышления?». Головы, назначенные над юртовскими татарами, должны были также выяснять «нет ли от них (иноземных правителей. — *И.Т.*) к юртовским мурзам и к табунным головам и к черным Татаром каких присылок и присыльных листов, и у юртовских мурз и у табунных голов и у юртовских Татар нет ли с ними каких ссылок и соединения» (Торопицын, 2014а, с. 7). В астраханском кремле на положении аманатов находилось значительное число родственников местной тюркской знати (Торопицын, 2014, с. 222). Впрочем, бегство в Крым мурзы А. Байтерекова, не пожелавшего стать аманом в Астрахани (1626 г.)¹, красноречиво показывает, что Крым по-прежнему являлся для тюркской знати наиболее предпочтительным вариантом для вынужденной эмиграции из России.

К середине XVII в. численность тюркского населения в Нижнем Поволжье значительно увеличилась. Наряду с юртовскими татарами здесь стали проживать выходцы не только из Большой, но и Малой Ногайской Орды, что явилось следствием проводимой астраханскими властями политики по подчинению России тюркских народов. Наплыв большого числа тюркского населения совпал с вторжением в Волго-Яицкие степи калмыков. В связи с чем обстановка в регионе обострилась. На фоне возникших проблем среди местного тюркского населения вновь стали популярны идеи ухода в Крым.

Взятый в апреле 1645 г. донскими казаками в плен татарин из Большой Ногайской Орды говорил «про Астраханских мурз и татар, что меж ими учинилась смута: иные хотят кочевать к Астрахани, а иные итить на Крымскою степь: лиха де нам стала тесната в Астрахани от воевод, лошади и детей их бьют и емлют к себе» [1, стб. 746].

Не исключено, что какая-то часть тюркского населения все-таки ушла из Нижнего Поволжья. По крайней мере, такие слухи дошли до Ивана Тургенева, сопровождавшего из Москвы в Путивль иерусалимского патриарха Паисия, приехавшего в декабре 1648 г. — конце июля 1649 г. в Москву по поручению гетмана Войска Запорожского Богдана Хмельницкого. По возвращении в Москву Иван Тургенев сообщил, что гетман Б. Хмельницкий расположился лагерем за городом Старым Константиновым, что вместе с ним стояли крымские и ногайские отряды, которые захватывали в плен много людей и уводили их в Крым. «Да и про то де он слышел, — сообщил Иван Тургенев, — что есть с ним и астраханские татарова, с koliko их, и хто у них мурзы, того неведомо» [4, с. 103].

В связи с этим обращает на себя внимание тот факт, что в рассматриваемый период часть ногайских улусов во главе с Чебан-мирзой ушла из-

¹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 127. Оп. 1. 1626 г. Д. 3. Л. 10–15.

под Астрахани на Северный Кавказ. На протяжении нескольких лет астраханскими властями предпринимались шаги по возвращению ушедших обратно. Большую часть улусов в итоге удалось вернуть, но в августе 1651 г. появилась информация, что Чебан-мурза через Кабарду и Малую Ногайскую Орду уехал к крымскому хану (Новосельский, 1994, с. 55). Интересно, что еще в июне 1651 г. астраханским властям поступили сведения, что Чебан-мурза неоднократно обращался к тарковскому шамхалу с просьбой проводить его с улусом в Крым, так как ногайцы постоянно ездят туда самостоятельно (Торопицын, 2018, с. 25).

По всей видимости, отголоски этих событий дошли в 1651 г. до русских послов в Крыму, которые сообщили в Москву, что им стало известно, что «прислали де астраханские мурзы 3 человека к крымскому царю грамоты, чтоб крымской царь прислал к ним ис Крыму от себя воинских людей тысяч з дватцать. А они де, астраханские татаровя, все готовы, которого дни крымских людей увидят, тотчас от Астарахани совсем откочуют к Крыму. Только б от крымского царя была к ним присылка, а они все готовы» [6, с. 486].

Во второй половине XVII в. астраханским властям удавалось держать ситуацию в регионе под контролем, благодаря чему тюркские подданные не предпринимали попыток ухода из Московского государства, хотя и высказывали такие мысли. Так, в 1663 г. в ходе побега со службы из-под Цырицына астраханские мурзы, табунные головы и татары заявили посланному за ними в погоню отряду стрельцов во главе с головой Ф. Пушиным, «что они бегают не впервые и им де от тебя Великого Государя наказания никакого не бывало [...], а будет де в Астрахани какое дурно над ними учинят и они де отъедут к Дайчину тайше или в Крым и жен своих их юрт выкрадут»². Астраханские мурзы, табунные головы и татары объяснили свой побег тяжелой обстановкой, сложившейся в Царицыне (им пришлось даже есть своих лошадей), из-за чего они утратили готовность к службе. Астраханским властям не без труда удалось урегулировать ситуацию. К провинившимся не стали применять наказание из опасения ухода татар из страны.

В дальнейшем астраханские татары продолжали верно служить русскому царю и ходили в походы против Крымского ханства в 1675, 1687 и 1689 гг., сражались с крымскими татарами под крепостью Чигирин на Украине в 1678 г. При этом участие в походах русских войск не мешало им поддерживать торговые связи с крымцами. Астраханские юртовские татары вместе с калмыками пригоняли в крымские и турецкие владения в Причерноморье лошадей и скот [3, с. 169].

Отражением событий подобного рода может служить обращение в 1694 г. к астраханским властям мурзы Казы Алеева Урусова, табунного головы Ишея Кашкарина и сотника Тлева Уразаева «с товарищи», сообщивших о подозрительном поведении своих людей, которые «покупили

² РГАДА. Ф. 119. 1663 г. Оп. 1. Д. 1. Л. 18.

многих лошадей и ныне покупают для отпуска в ардабазарной станице к Москве». При этом челобитчики обратили внимание на то, что «указу на то нет», и они «опасны тово, чтобы улусные их люди и черные торговые татары тех покупных лошадей утайкою без указа [...] в Крым и в Азов [...] не угнали и сами б не отъехали»³.

Опасения астраханской тюркской знати были не беспочвенны. В последней трети XVII в. царским властям периодически поступали сведения о том, что астраханские юртовские татары были замешены в набегах на русские пограничные земли вместе с крымскими татарами и другими неприятелями Московского государства. В 1683 г., например, в посланной из Москвы на Дон к казакам грамоте указывалось, что «под Азовом де собираются крымские и нагайские и астраханские татаровя, хотят идти под наши, царского величества, украинные города войною» [2, с. 111]. В апреле 1694 г. воеводам в Астрахань сообщалось, что Кубек-ага с азовскими людьми при поддержке кубанцев, ногайцев и черкесов намерен совершить нападение на поволжские города, что «к нему же Кубеку приехали астраханских юртовских татар семей с тридцать и те де татары» намерены выступить в качестве проводников в набеге на российские земли⁴.

По словам пленных, взятых казаками в 1694 г. в бою на р. Калитве, в набег на российские города «пошло было азовцев и аюкаевых калмык и едисанцов и астраханских юртовских татар близки 400 человек». Нападавшие разделились на три партии и пошли под города Усерд, Ольшанск и другие места, «на хлебные жнитва». В связи с этим в царской грамоте была высказана похвала донским казакам за службу и дано поручение, чтобы они «аюкаевых калмык, также и астраханских юртовых татар соединение их с азовцы всячески разрывали и отвращали и с конскими табунами и с скотом в Азов их не пропускали» [3, с. 169–170].

Таким образом, можно видеть, что именно к крымским ханам, как, очевидно, к ближайшим единоверным правителям, адресовали свои мольбы тюркские жители Нижнего Поволжья. В Азов и Крым вели пути большинства беглых астраханских юртовских татар. С Крымом и зависимыми от него территориями Прикубанья астраханские юртовские татары стремились поддерживать экономические отношения, несмотря на существующие запреты царских властей.

Однако следует принять во внимание, что политические обращения к Крыму представителей астраханской тюркской знати во второй половине XVI – XVII вв. не носили массового характера. Основная масса астраханских юртовских татар находилась на царской службе, получая за нее жалованье, и по долгу службы участвовала в походах русских сил против Крымского ханства. Впрочем, это не исключало того, что в свободное от походов время астраханские татары поддерживали торговые отношения с

³ Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. Д. 12474. Л. 1.

⁴ Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. Д. 12554. Л. 1.

Крымом, а некоторые даже соблазнялись шансом получить добычу в набе-ге на российские земли в составе азовско-крымско-ногайских отрядов. Как правило, на такой шаг могли пойти либо совершенно впавшие в нищету люди, желавшие за счет военной добычи поправить свое материальное положение, либо те, кто недавно влился в состав астраханских юртовских татар, например, вырвавшись из-под калмыцкого контроля, и еще окончательно не утвердился в статусе служилого человека.

Источники последней трети XVII в. упоминают астраханских юртовских татар в числе участников набегов на русские земли вместе с калмыками. Как известно, еще в первой половине XVII в. калмыцким тайшам удалось захватить значительное количество ногайских улусов, вместе с которыми под их власть попали и некоторые группы астраханских юртовских татар. В дальнейшем татары стремились освободиться и вернуться к соплеменникам, но ногайцы по большей части предпочитали кочевать среди калмыцких улусов. Не исключено, что участниками таких набегов могли быть именно те группы татарского и ногайского населения, которые были более тесно связаны с калмыками, чем основная масса астраханских юртовских татар. Нельзя исключать и того, что казаки либо представители азовских и крымских татар, а также малых ногайцев в политических целях придавали излишне большое значение участию отдельных представителей астраханских татар в совместных набегах на русские земли. Показательна в этом плане реакция царских властей, которые, принимая во внимание факт участия астраханских юртовских татар вместе с крымцами, азовцами, ногайцами, а также калмыками на свои пограничные земли, не ставили задачу провести проверку каждого такого факта с последующими выводами (не будем забывать, что в распоряжении воевод имелись именные списки астраханских юртовских татар и установить потенциальных участников набеге не составило бы труда), ограничиваясь требованием не допускать впредь соединения российских подданных в лице астраханских юртовских татар и калмыков с явными своими противниками в лице крымцев, азовцев и малых ногайцев. Очевидно, что царские власти не придавали большого значения фактам присутствия астраханских юртовских татар среди участников таких набегов, так как понимали, что основная их масса находится под постоянным контролем астраханских властей.

В этой связи представляет интерес переписка между российскими государственными деятелями в 1706–1707 гг., посвященная обсуждению тайных переговоров российских тюркских подданных с крымскими и турецкими властями. «Пишет хан Крымский к порте, – сообщал П. Толстой 14 сентября 1706 г. из Константинополя в письме Ф.А. Головину, – прислали к нему татары, живущие близ Астрахани, Эштек-султан и другие, одного салтанского сына и с ним 3 черных Татар, с жалобою на Российское правительство, что чинится им обида многая в вере их, берут с них многия деньги, и свадьбы свои без Русских попов отправлять не могут; просят у хана Крымскаго прислать к ним несколько своих ратей, а они го-

товы с женами и детьми вытти из России в Крым» [9, с. 431]. П. Толстой сообщил, что крымский хан запросил мнения турецких властей по этому вопросу и визирь, посоветовавшись с муфтием, пришел к выводу, что «по закону их, подобает тех Татар принять». П. Толстой отметил также, что до него дошла информация, что с астраханскими татарами «согласились Уфимские и Каракалпаки: все хотят вытти из России» [9, с. 431].

Сообщая в апреле 1707 г. Н.А. Кудрявцеву об этих ведомостях, поступивших из Азова от П. Толстого, царь Петр I отмечал, что «был в Царьграде Астраханской Татарин, салтан Турахан, с четырьмя человеки и просил у салтана Турецкова, чтоб им дал сорок или пятьдесят тысяч людей, которыми людьми хотят они бутто вывести из восмидесят тысяч дворов мужеского и женска полу, которые живут по Казанской черте, Казанских татар. И салтан Турецкий послал их в Крым к Ратахану. И говорят де в Турской земле, что будут дожидатца лета, и когда де пойдет войско Русское на войну, тогда де и оне пойдут под Казань для взятъя тех Казанских Татар». Далее в письме указывалось на то, что турецкий двор регулярно получал известия из России обо всех происходящих событиях, которые пересылал в Царьград некий казанский или астраханский татарин, «Эсанком зовут» [7, с. 172–173].

Допуская факт шпионства на турецкий двор кого-либо из представителей российских подданных из числа тюркских народов, считаем необходимым отметить, что указанная информация, поступившая по дипломатическим каналам в Россию, вызывает ряд вопросов. Во-первых, среди представителей астраханской знати в XVII–XVIII вв. никто не носил титула «салтан» (султан). Во-вторых, в обоих письмах присутствуют значительные разночтения относительно цели призыва крымско-турецких войск. П. Толстой сообщал Ф.А. Головину, что посланцы астраханских татар добивались помощи для себя, а Петр I сообщал Н.А. Кудрявцеву, что иностранные войска должны были способствовать побегу из России казанских татар.

Несмотря на кажущуюся противоречивость цитируемых писем, они, без сомнения, в самых общих чертах отражали ситуацию недовольства тюркских подданных России своим положением, что вылилось в дальнейшем в новые восстания, участие в которых приняли и астраханские юртовские татары (Торопицын, 2008, с. 75; Торопицын, 2015–2016, с. 71–81). С другой стороны, эта переписка свидетельствует, что государственные деятели России были озабочены фактом контактов российских подданных-мусульман с Крымом и Турцией и придавали им серьезное значение.

Имели ли эти обращения какие-либо последствия для судьбы народов России, источники умалчивают. Обнаруженный нами в РГАДА «рописной» список города Астрахани за 1707 г., который был передан воеводой П.И. Хованским новому воеводе П.М. Апраксину, содержит имена 96-ти мурз, 11-ти табунных голов, 14-ти сотников и 14-ти детей табунных го-

лов⁵. Он свидетельствует, что юртовская знать не утратила после Астраханского восстания своего положения. Ее многочисленные представители по-прежнему числились среди служилых людей Российского государства.

Впрочем, это не исключает того, что среди юртовцев могли быть лица, которые вынашивали планы по уходу из России. Об этом свидетельствует отписка Донского войска в Посольский приказ от 15 декабря 1707 г. Казаки сообщали, что их заставы летом и осенью 1707 г. неоднократно подвергались нападениям со стороны астраханских татар, которые действовали совместно с кубанскими татарами. Так, 27 июня 1707 г. «из Астрахани едучи на Кубань астраханския тотары били боем у черкасских копаней на наших холопей твоих казаков, – указывалось в отписке, – которые ходили из розных городков для ломки соли на речку Манычь. И отбили у наших холопей твоих козаков 40 лошадей и многое число от них тотар в осаде сидели». В другом случае, писали донцы, «они астраханских табунных голов дети с тотары изменяя тебе в.г. с кубанскими тотары внезапно на наших холопей твоих козаков боем били». В обоих случаях донским казакам удалось отбиться и даже захватить пленных из числа нападавших. Одни из них были допрошены на месте сражения, другие – доставлены в Черкасский городок и допрошены «повольно [...] в кругу». «А в распросе они изменники астраханския тотары нам холопам Войску сказали: изменяя де они тебе в.г. из Астрахани на Кубань з женами и з детьми и с пожитки, семей с 40, жить бежали, а для перезыву на Кубань приезжал к ним в Астрахань кубанской мурза Сам Мамбет с тотары». При этом донские казаки отметили в отписке в Посольский приказ, что им удалось захватить в плен и самого кубанского мурзу Сам Мамбета [8, с. 400].

В изложении астраханских воевод П.И. Хованского «с товарищи» ситуация выглядела несколько в ином свете. По царскому указу для покупки лошадей «про [...] государев обиход» из Астрахани были посланы в 1707 г. на Кубань сын табунного головы Ишея Кашкарина Тарыбердей Ишеев, а после него табунный голова Булатай («Булотай») Акпердеев во главе 23 юртовцев. «И будучи на дороге напали на них Ишпулата воровские донские казаки, – писали воеводы из Астрахани, – и его Ишпулата и тотар и колмык и пожитки, что у них было, взяли к себе в полоно» [8, с. 399].

Из Посольского приказа на Дон к казакам была направлена грамота об освобождении задержанных астраханских юртовских татар и возвращении им всего имущества, но донские казаки отказались выполнить это указание, так как посчитали юртовцев изменниками. Присутствие среди них представителей юртовской знати казаки объясняли хитроумной уловкой. «А для провожания их изменников на Кубань были с ними ж табунных голов дети с тотары, – писали с Дона в Посольский приказ, – а не для покупки конной на тебя в.г. А если б они тотары по твоему в.г. указу посланы на Кубань были, и они б воровством з женами и з детьми и с пожитки на Кубань жить не бе-

⁵ РГАДА. Ф. 1104. Оп. 1. Д. 4. Л. 125 об.–131.

жали, и на наших холопей твоих казаков на речке Колаузе боем не били б, и твоих в.г. русских людей с сабою неволею на Кубань для продажи не возили б». Вспоминая о событиях на Маныче, донские казаки отметили, что им удалось убить двух нападавших, «и один тотарин малое число был жив и роспрашиван. А в расспросе сказал, что они астраханския жилые тотары, а ехали де они на Кубань» [8, с. 400].

В этой связи, вполне возможно, что часть юртовцев могла воспользоваться обстоятельствами, чтобы бежать из России, в том числе под прикрытием официального поручения на покупку лошадей на Кубани.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, можно видеть, что для татарского населения Нижнего Поволжья крымский фактор во все времена играл значимую роль в политической и экономической жизни. Середина XVI в. ознаменовалась для жителей Астраханского ханства бурными политическими событиями, в которых Крымское ханство сыграло весьма важную роль, сумев ненадолго подчинить Нижнее Поволжье своему влиянию. Вмешательство Московского государства, свергнувшее астраханского хана Ямгурчея, привело к установлению сначала власти московского ставленника хана Дервиша-Али, а впоследствии к прямому воеводскому правлению.

В этот период времени часть астраханских татар эмигрирует в Азов и Крым и принимает участие в дальнейших событиях политической истории на стороне Крымского ханства и Османской империи. Другая часть астраханских татар из числа тех, что принесли присягу на верность московскому царю, осталась проживать в окрестностях Астрахани. В 1569 г. часть этих астраханских татар также поддержит крымско-турецкое вторжение в Нижнее Поволжье, которое, впрочем, не приведет к смене политической власти в Астрахани и ее округе.

В XVII в. астраханские юртовские татары активно участвовали в составе русских войск в походах на Крым, а также с большой охотой самостоятельно совершали рейды в Крымское ханство с целью получения информации об обстановке в этом государстве и на приграничных территориях. При этом астраханская тюркская знать не теряла надежды на помощь со стороны Крыма в решении своих проблем, связанных с ухудшением условий проживания в Нижнем Поволжье при все возрастающей служебной нагрузке. Однако открыто перейти на сторону крымского хана либо турецких властей ее представители не решались. В отличие от них, рядовые астраханские юртовские татары наряду с джетисанцами могли позволить себе присоединиться к крымско-азовско-ногайскому набегу на пограничные русские земли, в чем их стали обвинять в последней трети XVII в. и в начале XVIII в. Однако масштабных разбирательств по этому поводу астраханскими властями не инициировалось.

Стоит признать, что торговые отношения населения Нижнего Поволжья с Крымским ханством и османскими владениями в Азово-Черноморском регионе полностью не прекращались, несмотря на достаточно частые периоды военных столкновений. При этом в определенные кризисные моменты взаимоотношений с русскими властями в среде астраханских юртовских татар и проживавших с ними по соседству джетисанцев возникали идеи ухода из-под русской власти. В качестве одного из вариантов неизменно рассматривалось Крымское ханство.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. Бытность Василья Струкова у Донских казаков с жалованною государвою грамотою. Разспросныя речи в Посольском приказе воронежца Василья Струкова (25 апреля 1645 г.) // Русская историческая библиотека издаваемая Императорскою археографическою комиссиею. Т. XXIV. Донские дела. СПб.: Типография Главного Управления Уделов, 1906. № L. Стб. 739–746.

2. Грамота царей и великий князей Иоанна и Петра Алексеевичей на Дон с изъявлением похвалы казакам за поход на калмыцкие улусы на Волгу (18 мая 1683 г.) // Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собранные генералом-майором А.А. Лишиным. Т. I. Новочеркасск: Типография А.А. Карасева, 1891. № 73.

3. Грамота царей и великий князей Иоанна и Петра Алексеевичей на Дон с изъявлением похвалы казакам за воспрепятствование азовцам, калмыкам и татарам напасть на украинные города Усерд, Ольшинск и друг., за разбитие этих неприятелей на р. Лозовке и за морской поход под турецкия и ногайския места (15 августа 1694 г.) // Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собранные генералом-майором А.А. Лишиным. Т. I. Новочеркасск: Тип. А.А. Карасева, 1891. № 109.

4. Из дела о пребывании в Москве иерусалимского патриарха Паисия и его переговорах, которые он вел по поручению Богдана Хмельницкого (1 декабря 1648 г. – 28 июля 1648 г.) // Воссоединение Украины с Россией: документы и материалы в трех томах. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1953. Т. II. 1648–1651 годы. № 46.

5. Из списка русского посла в Крым А. Ф. Нагова о битве крымских войск с черкесами и кабардинцами, о ранении кн. Темрюка Идарова, о пленении крымцами его сыновей Мамстрюка и Беберюка и др. (13 ноября 1569 г. – 30 июня 1570 г.) // Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Т. 1. М.: АН СССР. 1957. № 11.

6. Из статейного списка русских послов в Крым И. Елякова и Т. Кузьмина о сношениях Богдана Хмельницкого и польского короля с крымским ханом (16 января 1651 г. – 20 августа 1651 г.) // Воссоединение Украины с Россией: документы

и материалы в трех томах. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1953. Т. II. 1648–1651 годы. № 208.

7. К Никите Алферовичу Кудрявцеву // Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб.: Государственная типография, 1907. Т. 5. (январь – июнь 1707). № 1660.

8. Отписка Войска Донского в Посольский приказ о «воровских» астраханских татарах, бежавших на Кубань (15 декабря 1707 г.) // Булавинское восстание (1707–1708 гг.) / Н.С. Чаев. М.: Изд-во всероссийского общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1935. № 195.

9. Петр Толстой из Константинополя Ф. А. Головину цифирью (14 сентября 1706 г.) // Устрялов Н. История царствования Петра Великого. СПб.: В Типографии Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1863. Т. 4. Ч. II. Приложения. № 424.

10. Пискаревский летописец // Полное собрание русских летописей. Т. 34. М., 1978. С. 31–220.

11. Посольская книга по связям Московского государства с Крымом. 1567–1572 гг. Текст // Посольская книга по связям Московского государства с Крымом. 1567–1572 гг. / отв. ред. М.В. Моисеев; подгот. текста А.В. Малов, О.С. Смирнова; статьи, коммент. А.В. Виноградов, И.В. Зайцев, А.В. Малов, М.В. Моисеев. М.: Фонд «Русские Витязи». 2016. С. 68–354.

12. Посольские книги по связям Московского государства с Ногайской Ордой. Кн. 4. 1551–1556 г. // Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг. Публикация текста / сост. Д.А. Мустафина, В.В. Трепавлов. Казань: Татар. кн. изд-во, 2006. С. 38–233.

13. Посольские книги по связям Московского государства с Ногайской Ордой. Кн. 5. 1557–1561 г. // Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг. Публикация текста / сост. Д.А. Мустафина, В.В. Трепавлов. Казань: Татар. кн. изд-во, 2006. С. 234–345.

14. Статейный список И.П. Новосильцева (Турция) // Путешествия русских послов XVI–XVII вв. Статейные списки. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1954. С. 63–99.

ЛИТЕРАТУРА

Буганов В.И. Документы о сражении при Молодях // Исторический архив. 1959. № 4. С. 166–181.

Зайцев И.В. Астраханское ханство. 2-е изд., испр. М.: Вост. лит., 2006. 303 с.

История татар с древнейших времен в семи томах. Т. V. Татарский народ в составе Российского государства (вторая половина XVI–XVIII вв.). Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. 1032 с.

Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. IX СПб.: В типографии Н. Греча: изданием братьев Слениных, 1821. 472, 296, [4] с.

Новосельский А.А. Исследования по истории эпохи феодализма (Научное наследие). М.: Наука, 1994. 223 с.

Садиков П.А. Поход татар и турок на Астрахань в 1569 г. // Исторические записки. Т. 22. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1947. С. 132–166.

Торопицын И.В. Набеги кубанских татар на Россию в 1715 г. // Козацька спадщина. Альманах Інституту суспільних досліджень. Дніпропетровськ: Изд-во «Пороги», 2008. Вип. 4. С. 72–78.

Торопицын И.В. Знать у астраханских юртовских татар в XVII в. // Каспийский регион: экономика, политика, культура. Астрахань, 2014. Вып. 3 (40). С. 220–228.

Торопицын И.В. Наказы астраханским воеводам XVII в., как источник по изучению тюркского населения Нижнего Поволжья // Materials of the X International scientific and practical conference «Trends of modern science – 2014». Volume 11. History. Sheffield: Science and education LTD, 2014a. Pp. 3–8.

Торопицын И.В. Восстание мурз Тинбаевых в Нижнем Поволжье (1715–1717 гг.) // Transcaucasica. Вып. 3. Южный Кавказ: история, религия, общество / под общ. ред. З.В. Кананчева. М., 2015–2016. С. 71–81.

Торопицын И.В. Астраханские юртовские татары в орбите российской внешней политики на Северном Кавказе в XVII–XVIII вв. // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2015. № 1/2. С. 25–36.

Торопицын И.В. Большие ногаи на Северном Кавказе в середине XVII в. // Журнал фронтирных исследований. 2018. № 2 (10). С. 7–28.

Торопицын И.В. Военная служба астраханских юртовских татар (вторая половина XVI – первая четверть XVIII в.): монография. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2025. 332 с.

Хлебников П.Х. Астрахань в старые годы. Вторая половина XVI в. СПб.: Тип. Т-ва п. ф. «Электро-Тип. Н.Я. Стойковой», 1907. 156 с.

REFERENCES

Buganov V.I. Documents on the Battle of Molodyahy. *Historical Archive*. 1959, no. 4, pp. 166–181. (In Russian)

Zaytsev I.V. *The Astrakhan Khanate*. 2nd ed., revised. Moscow: Vostokovaya Litsa, 2006. 303 p. (In Russian)

The History of the Tatars from Ancient Times in Seven Volumes. Vol. V: The Tatar People as Part of the Russian State (Second Half of the 16th to the 18th centuries). Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2014. 1032 p. (In Russian)

Karamzin N.M. *History of the Russian State*. Vol. IX. St. Petersburg: N. Grech's Printing House, sponsored by the Slenin brothers, 1821. 472, 296, [4] p. (In Russian)

Novoselsky A.A. *Studies in the History of the Feudal Era (Scientific Heritage)*. Moscow: Nauka, 1994. 223 p. (In Russian)

Sadikov P.A. The campaign of Tatars and Turks on Astrakhan in 1569. *Historical Notes*. Vol. 22. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 1947. Pp. 132–166. (In Russian)

Toropitsyn I.V. The incursions of the Kuban Tatars into Russia in 1715. *Cossack Heritage. Almanac of the Institute of Social Studies*. Dnipro: Porhogy Publ. House, 2008. Vol. 4, pp. 72–78. (In Russian)

Toropitsyn I.V. Knowledge among the Astrakhan yurt-dwelling Tatars in the 17th century. *Caspian Region: Economy, Politics, Culture*. 2014, vol. 3(40), pp. 220–228. (In Russian)

Toropitsyn I.V. Orders to the Astrakhan voivodes of the 17th century as a source for studying the Turkic population of Lower Volga Region. Materials of the X International Scientific and Practical Conference "Trends of Modern Science – 2014". Vol. 11. History. Sheffield: Science and Education LTD, 2014a. Pp. 3–8. (In Russian)

Toropitsyn I.V. The uprising of Murz Tinbaev in Lower Volga Region (1715–1717). *Transcaucasica*. Vol. 3. Southern Caucasus: History, Religion, Society. Under the general editorship of Z.V. Kananchev. Moscow, 2015–2016. Pp. 71–81. (In Russian)

Toropitsyn I.V. The Astrakhan yurt Tatars in the Context of Russian Foreign Policy in the North Caucasus during the 17th–18th centuries. *Echo of Centuries*. 2015, no. 1/2, pp. 25–36. (In Russian)

Toropitsyn I.V. Large legs in the North Caucasus in the mid-17th century. *Journal of Frontline Research*. 2018, no. 2 (10), pp. 7–28. (In Russian)

Toropitsyn I.V. *Military Service of the Astrakhan Yurta Tatars (Second Half of the 16th Century – First Quarter of the 18th Century)*: A Monograph. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2025. 332 p. (In Russian)

Khlebnikov P.Kh. *Astrakhan in the Old Years: The Second Half of the 16th Century*. St. Petersburg: Elektro-Typographical Press of N.Ya. Stoykova, 1907. 156 p. (In Russian)

Информация об авторе:

Торопицын Илья Васильевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Астраханской государственной университет им. В.Н. Татищева (Астрахань, Российская Федерация); старший научный сотрудник Крымского научного центра, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); <https://orcid.org/0000-0002-7542-3337>; e-mail: itoropitsyn@mail.ru

About the author:

Ilya V. Toropitsyn – Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department of Russian History, Tatishchev Astrakhan State University (Astrakhan, Russian Federation); Senior Researcher of the Crimean Research Center, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); <https://orcid.org/0000-0002-7542-3337>; e-mail: itoropitsyn@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 15.06.2026

Поступила после рецензирования / Revised 13.07.2026

Принята к публикации / Accepted 10.08.2026